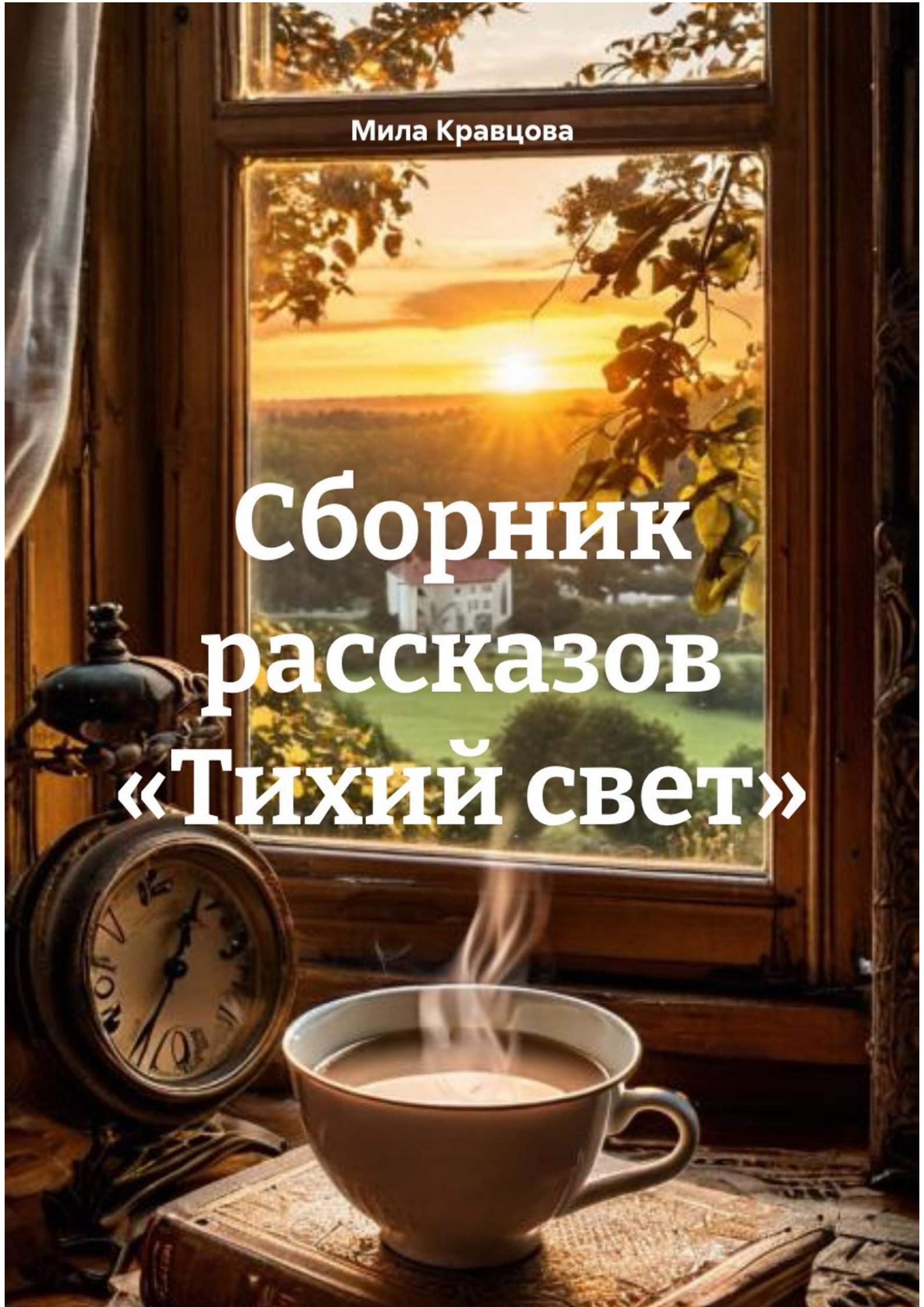

Мила Кравцова

Сборник
рассказов
«Тихий свет»

Мила Кравцова

Сборник рассказов «Тихий свет»

«Автор»

2026

Кравцова М.

Сборник рассказов «Тихий свет» / М. Кравцова — «Автор»,
2026

Между боем старинных настенных часов и школьным звонком на урок истории умещается целая жизнь. Вернее, несколько жизней, собранных в этой книге. Здесь смеются над темами, которые многие боятся - наследство и его судьба, и в крике сквозь годы, пытаются услышать и сохранить брак. Здесь взрослеют дети и стареют родители, и однажды выясняется, что старость — вовсе не увядание, а тихий свет, который виден только в сумерках. В сборник вошли рассказы: «Семейный юмор» — о том, как за шутками прячутся главные вопросы. «Зачем вы так кричите, я так вас не услышу» — история двух людей, разучившихся слышать друг друга. «Тот, кто улыбался» — история одной улыбки, изменившей всё. «Старинные часы» — разговор со старостью начистоту. «Пусть звенит звонок» — учитель истории о войне и мире, которые начинаются в школьном классе. Это проза для тех, кто не боится заглянуть вглубь себя, обыденности и найти там свет.

© Кравцова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Семейный юмор	5
Зачем Вы так кричите? Ведь я Вас так не услышу!	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Сборник рассказов «Тихий свет»

Семейный юмор

Виктор Дмитриевич Ратоборов, отставной подполковник милиции, человек строгих правил и ясного, слегка подозрительного ума, на восьмидесятом году жизни принял решение, которое показалось ему воплощением житейской и юридической мудрости. Решил распорядиться при жизни. А именно – оформить дарственную на свой добротный, пахнущий старым деревом, книгами и лаковым запахом служебного портфеля дом, единственной дочери Людмиле. «Пусть будет порядок и ясность, – размышлял он, сидя в своём вольтеровском кресле, как на командном пункте. – Избегнут наследственных хлопот и недоразумений, а я... а я так и буду жить здесь. На позициях».

Дом был его крепостью, его оперативной территорией, и мысль расстаться с ним была столь же абсурдна, как мысль сдать знаки отличия. Но документ, как известно, вещь серьёзная. И вот бумаги были подготовлены со всей тщательностью следователя, оставалось лишь завершить формальность.

Накануне, в день пятидесятилетия Людмилы, зять его, Дмитрий, человек солидный и, в общем-то, добрый, подвозил тестя с тещей, то есть родителей жены, в ресторан. Мать Людмилы, женщина тревожная, устроившись на заднем сиденье, озабоченно спросила:

– Дима, а нам нужно пристёгиваться?

Дмитрий, чьи мысли в тот момент, видимо, кружились вокруг предстоящего праздника и некой важной сделки, ответил не задумываясь, чисто механически:

– Пока дом не переписали, конечно нужно!

В салоне воцарилась тишина, будто перед залпом. Потом тёща тихо рассмеялась, а Виктор Дмитриевич, сидевший рядом, лишь чуть дрогнул углом губы, по-бывалому оценивая обстановку. Шутка была понята правильно и никто, разумеется, не заподозрил зятя в корысти; просто такова была манера семейного юмора – сухая, немного чёрствая, мужская, отдававшая казённой прямоотой.

Наступил день, и сделка была зарегистрирована. Людмила, придя к отцу, сообщила об этом с лёгкой торжественностью, но и с едва уловимой тревогой в голосе, как докладывают о выполненном, но щекотливом поручении. Виктор Дмитриевич, глядя на её серьёзное лицо, почувствовал вдруг приступ озорства, редкого для его следовательской природы. Он поднял брови, сделав вид, что проводит внезапную проверку жилплощади – книжные полки, портрет жены, старый глобус – и произнёс, стараясь сохранить служебную невозмутимость:

– Ну что ж, поздравляю новую хозяйку. Так, значит, с вещами на выход?

Он ожидал улыбки, отцовского и дочернего взаимопонимания в этой маленькой театральной сценке. Но Людмила вдруг побледнела, будто её взяли в свидетели по неприятному делу. Глаза её наполнились такой искренней, такой детской обидой, что старику стало неловко, почти как от оплошности молодого оперативника.

– Папа, не нужно так шутить! – сказала она сдавленно. – Это совсем не смешно. Ты знаешь, что для меня это ничего не меняет.

Виктор Дмитриевич поспешил её обнять, забормотал что-то утешительное, но осадок, как говорится, остался. Ему было досадно и на себя, и на эту излишнюю чувствительность, чуждую его служебной и жизненной природе.

Вернувшись домой, Людмила, ещё не остыв от волнения, поделилась случившимся с пятнадцатилетним сыном. Виктором Дмитриевичем-младшим, крепким, смышлённым парнем, носившим дедовское имя и, как казалось, лишь дедовскую внешность – те же крупные, «служебные» черты, тот же спокойный, оценивающий взгляд.

– Представляешь, – говорила она, накрывая на стол, – дедушка сегодня так пошутил... Сказал: «С вещами на выход». Как будто мы его выгнать собрались. Я, конечно, объяснила, что это недопустимо, что мы всегда будем о нём заботиться.

Она ждала от сына поддержки, возмущения вместе с нею нелепостью шутки.

Витя слушал, облокотившись на косяк кухонной двери, словно на дверной косяк в казённом кабинете. Лицо его было сосредоточенно. Он, казалось, проводил дознание по факту неудачного высказывания. Наконец, он покачал головой, и в его глазах мелькнула та самая, знакомая трём поколениям мужчин этой семьи, искра суховатого, ироничного ума, отточенного на параграфах и семейных протоколах.

– Да как же так можно! – с неподдельным, почти профессиональным возмущением произнёс он.

Людмила обернулась, готовая кивнуть.

– Как дедушка мог так сказать! – продолжал Витя, и голос его зазвучал по-взрослому убедительно, будто он зачитывал заключение. – «С вещами на выход»... Это же совершенно нелогично!

Он сделал паузу для верности и, глядя на ошеломлённую мать, вынес окончательный, бесповоротный вердикт:

– Без вещей! Зачем ему вещи?

Людмила сначала открыла рот, чтобы сделать замечание. Потом вдруг прислонилась к столу и тихо засмеялась. Смеялась она долго, до слёз, с облегчением и внезапным пониманием. Она смеялась над собой, над отцом-«подполковником», над мужем, над сыном. Над этой удивительной, непередаваемой, чисто мужской линией юмора, которая, как ниточка, связывала двух Дмитриевичей и одного Дмитрия. Юмора, построенного на букве, а не на духе, в котором не было ни капли житейской правды, но зато была вся правда об их отношениях – крепких, как устав, неизменных и по-своему очень нежных. И этот дом, дарственные, шутки про «выход» – всё это была просто игра, семейные учения. Суета. А настоящим, вечным и не требующим никаких протоколов, был вот этот смех на кухне и чувство, что все они – на своём законном месте. И без всяких вещей.

Зачем Вы так кричите? Ведь я Вас так не услышу!

– Митя, представляешь, договор две тысячи семнадцатого года составлен неверно! Его бы могли в суде признать незаключённым в силу статьи шестьсот седьмой Гражданского кодекса!

Она сказала это и замерла с чашкой в руке. За окном серое питерское утро, на столе – кипа бумаг, до десяти часов осталось пятнадцать минут, а ей ещё нужно было допечатать пояснительную записку. Мила ждала, что муж обернётся, посмотрит на неё с уважением, скажет: «Ну ты даёшь, Милка, голова». Ведь не он заключал тот дурацкий договор. Фирму он купил прошлой осенью, а арендные отношения тянулись с незапамятных времён, ещё от прежнего собственника.

Митя стоял у окна, пил кофе и смотрел на снег. Услышав про статью шестьсот седьмую, он повернул голову, и Мила вдруг увидела, что лицо у него чужое. Не то чтобы злое. Оно сделалось плоским и каким-то... затвердевшим.

– И чо? – спросил Митя.

И тут же, не давая ей ответить, пошёл. Про «тупых директоров», про то, что он вообще при чём, про то, что все только и ждут, чтобы его кинуть. Голос его крепчал, набирал высоту. Мила сидела с открытым ртом, потому что это была не его интонация. Это была интонация Татьяны Владимировны, завуча, которая ворвалась в класс в прошлом феврале и орала про нераспечатанные бланки.

Митя говорил и говорил. А потом вдруг замолчал, допил кофе, сказал «у меня встреча» и ушёл. Даже не хлопнул дверью.

Мила посидела минуту. Потом допечатала пояснительную, отправила пакет в налоговую инспекцию города Иваново, позвонила инспектору – мужчине с усталым голосом, – и он сказал: «Да, теперь всё понятно, документы хорошие, будем регистрировать». Ровно в десять ноль-ноль она положила трубку.

И тут её накрыло.

Она вспомнила всё по порядку.

Как двадцать лет назад выходила замуж в пятницу тринадцатого. Как мама ахала: «Надо было на субботу перенести!», а они с Митей смеялись и плевали через левое плечо. Как она, успешный адвокат, вела бракоразводные дела, а потом родился сын, и что-то сдвинулось. Как она устала от чужих измен и дележа квадратных метров. Как пришла в школу – сначала волонтёром, вести «Основы права», а потом осталась навсегда.

Она любила своих десятиклассников. Они были шумные, нестриженные, писали с ошибками, но иногда вдруг выдавали такое, что хотелось плакать. На последнем уроке, когда завуч орала про бланки, мальчик Петя Завьялов встал и сказал: «Татьяна Владимировна, зачем вы так кричите? Мила Викторовна к нам хорошо относится, мы её так не услышим». Завуч тогда осеклась и вышла. А Мила потом три дня ходила и думала: пятнадцатилетний мальчик учит взрослому женщину обращаться с людьми.

С Митей было по-другому. Митя был хороший. Добрый. Когда умерла Милина собака Плюшка, её самый близкий друг еще до знакомства с Митей, он сидел с ней всю ночь на кухне и молчал. Когда сын подрался и попал в травмпункт, Митя бросил важные переговоры и примчался туда первым. Он никогда не жалел денег на её курсы китайского. Он любил пошутить, любил компанию, любил, когда всё получается. И он терпеть не мог признавать, что что-то не пошло по его вине.

«А чо такого» было его защитной скорлупой. Опоздал – а чо такого. Забыл – а чо такого. Купил фирму за тысячу километров, не глядя на юридический адрес – а чо такого. Он не врал, нет. Он просто очень быстро переводил стрелки. Потому что если не перевести стрелку, то

придётся признать: я ошибся. А ошибаться больно. Особенно в пятьдесят лет, когда у тебя фирмы, директора, кредиты и сын-подросток.

Мила сидела за столом, перебирала бумаги и вдруг подумала: а ведь Вика, бывшая её клиентка по бракоразводному процессу, которую Митя называл тупой и безответственной, на самом деле просто устала. Три года Вика терпела, что за каждый непроплаченный счёт отвечает она, а за каждый удачный контракт хвалит Митя себя. Три года она была громоотводом. И ушла – вежливо, без скандала, сказав: «Я не справляюсь». Митя же услышал в этом «ты плохой руководитель» и разозлился. Так легче.

Мила вспомнила всех прежних директоров. Все они были «тупые». И все уходили тихо. Никто не кричал на Митю в ответ. Кричать было бесполезно. Он всё равно не слышал.

А она, Мила, юрист до мозга костей, привыкла докапываться до сути. Она нашла налоговую инспекцию в Иваново, нашла инспектора, нашла старые договоры, восстановила цепочку собственников. Она сделала за месяц то, что Вика, наверное, пыталась сделать три года, но каждый раз натыкалась на стену «а чо такого».

И вот сейчас, когда всё получилось, когда налоговая сказала «да», когда фирма мужа была спасена, – Митя ушёл. Потому что она сказала про шестьсот седьмую статью. Потому что он вдруг понял, что ошибку в договоре можно было заметить раньше, если бы он не покупал фирму вслепую. И легче было обвинить её, умную, дотошную, которая своими вопросами пробила броню.

Она вспомнила, как Петя Завьялов сказал: «Мы её так не услышим». И подумала: а разве не то же самое она сейчас скажет Мите, когда он вернётся? Ведь он вернётся, конечно. Принесёт цветы или вино. Скажет: «Ты не представляешь, какие там пробки». Или: «Клиент задержал». И она промолчит, потому что двадцать лет – это двадцать лет, и из-за одной вспышки не перечёркивают жизнь.

Но сегодня, глядя на стопку отправленных документов, Мила вдруг ясно увидела одну простую вещь.

Люди, которые кричат, всегда кричат не тем. Не тем, кто виноват, а тем, кто рядом. Кто не уйдёт. Кто выслушает. Кто не даст сдачи. Им страшно признать, что мир сложнее их представлений о нём. Что договор две тысячи семнадцатого года составил не дурак, а просто человек, который уже забыл об этом договоре. Что налоговая в Иваново – не враги, а живые люди с усталыми голосами. Что тупых директоров не бывает, бывают уставшие.

К вечеру вернулся Митя. Принёс торт «Птичье молоко». Поставил чайник. Сказал:

– Ну чо, зарегистрировали?

– Зарегистрировали, – ответила Мила.

– Я ж говорил, всё пучком. – Он улыбнулся, нарезая торт. – А ты переживала.

Она смотрела, как он кладёт ей кусок побольше, и думала: вот сейчас. Сейчас или никогда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.